

Семен ГАВРИЛОВ

Огонь СВЕЧИ

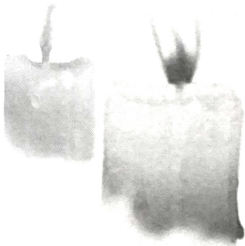
СБОРНИК РАССКАЗОВ, РАЗДУМИЙ,
ЗАРИСОВОК И СКАЗОК



Семен ГАВРИЛОВ

Огонь свечи

СБОРНИК
РАССКАЗОВ, РАЗДУМИЙ,
ЗАРИСОВОК И СКАЗОК



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРЪЗОР

ИЗРАИЛЬ • 2008

Гаврилов С. М.

Огонь свечи: сборник рассказов, раздумий, зарисовок и сказок/Семен Гаврилов; [обложка Э.Алиев] — Израиль: издательский дом «Мирвори», 2008, — 56 стр.

ISBN 978-965-91102-9-2

Новая книга Семёна Гаврилова «Огонь свечи» состоит из двух частей. В первую часть автор включил ряд прозаических зарисовок и небольших рассказов, в которых делится с читателем своими размышлениями о смысле жизни, любви, людских достоинствах и слабостях.

Во второй части книги — уже известные многим «Сказки гончарного круга». По многочисленным просьбам читателей автор решил их переиздать и включить в свой новый сборник прозаических произведений.

© Издательский дом «Мирвори», 2008

ISBN 978-965-91102-9-2

© Гаврилов С. М., 2008

*Посвящаю моему деду
Гаврилову Борису Гавриловичу (светлая ему память)
и моему отцу Гаврилову Михаилу Борисовичу
с пожеланием здоровья и долголетия.*

ПРИДИ СЛОВО И ...

Семену Гаврилову очень подходит слово «секретарь», поскольку он ищет секреты бытия, задается вопросами. Это происходит везде: у гонимого круга, перед огнем свечи, на берегу моря, где он сидит, обнявшись с женой, будто в пору юношеской любви...

Поклонникам литературы известно стихотворение в прозе Пабло Неруды: «Бесконечно люблю слова... Они внезапны... Они поджидают, подкарауливают друг друга, а потом куда-то пропадают...

Любимые слова... Они сверкают, точно драгоценные камни, подпрыгивают, точно серебристые рыбки, они — пена, металл и роса...

Некоторые слова я просто преследую... Ловлю их на лету, схватываю их, очищаю с них шелуху... Люблю их ворошить, встряхивать, нюю их, набрасываюсь на них с жадностью, наряжаю их, выпускаю на свободу...».

Семен Гаврилов, подобно лирическому герою упомянутого произведения, находится в поиске. Он — думающий автор, и поэтому ищет слова и образы, тайны и неожиданные повороты... В одном он постоянен — в краткости прозаической формы.

Приятно, что автор не замыкается на местном материале, а смотрит дальше, и взгляд его находит Ассоль и Грзя, узника замка Иф и других.

В японской литературе каждый новый литератор, который внес в свое произведение тот или иной известный образ, получает похвалу: во-первых, за то, что он не только «писатель», но и «читатель», а, во-вторых, за то, что оказал уважение своим предшественникам.

Безусловно, образ свечи — один из тех, которые многократно используются в литературе, причем, не только в русской, но и в мировой. Следуя японской традиции, а я — известный поклонник канонов японской литературы, считаю необходимым сказать доброе слово в адрес горского еврея, несущего в мир свое видение горящей свечи.

Герой одного из произведений Семена Гаврилова прыгает из окна высотного дома, чтобы не упустить поезд, в котором находится его любимая женщина. Он делает это в нужный момент ради любви, и такой отчаянный поступок следует называть «падением ввысь». Выпуская в свет свою новую книгу, Семен прыгает в объятия читательского круга. Будем надеяться, что люди, считающие себя читателями, оценят этот прыжок.

Борис ХАНУКАЕВ

ПОЭТ ИЗ ДИНАСТИИ ПОЭТОВ

Профессиональные династии мне в жизни встречать доводилось, и не раз. Я знакома с семьями потомственных педагогов, врачей, строителей, скорняков, парикмахеров, где из поколения в поколение передаётся любовь к профессии и наработанные секреты мастерства. А вот о творческих династиях я только слышала или читала. Встречаются они чрезвычайно редко, поскольку талант в искусстве — явление штучное и, к сожалению, по наследству передаётся редко.

С одним из таких редких случаев имеют возможность познакомиться те, кто держит в руках эту книгу. Её автор, Семён Гаврилов, — представитель третьего поколения династии поэтов. Надо сказать, что сегодня есть уже и четвёртое — его сыновья Владислав и Михаил, которые довольно успешно пробуют своё поэтическое перо.

Первым в династии был известный просветитель, учитель, поэт и драматург Борис Гаврилович Гаврилов, которому в 2008 году исполнилось бы 100 лет. Его сын Михаил Борисович Гаврилов — продолжатель дела отца как на просветительском, так и на поэтическом поприще и по сей день в строю. Несмотря на свой почтенный возраст, он продолжает трудиться, пишет стихи, статьи, занимается доработкой и усовершенствованием методики преподавания горско-еврейского языка, которому много лет своей жизни посвятил его отец.

Творчество Семёна Гаврилова существенно отличается от творчества отца и деда, прежде всего тем, что дед писал, а отец и сегодня пишет на горско-еврейском, а он — на русском языке. Да и спектр тем у него, безусловно, шире, что вполне логично — другая жизнь, иные горизонты, новые взгляды.

Моё знакомство с творчеством Семёна Гаврилова началось с его поэзии. Мне понравились стихи, а некоторые из них произвели довольно сильное впечатление. Потом я прочла несколько его прозаических произведений и поразилась тому, насколько они поэтичны. В прозе Семён выбрал очень интересную и сложную «малую» форму. Любой пишущий человек знает, что написать удачное четверостишие ничуть не проще, чем полномасштабное стихотворение, ведь в четверостишие нет возможности долго развивать мысль. В четырёх строках крошечного произведения должны уместиться и «вступление в мысль», и сама мысль, и логическое заключение.

Также и в маленьких зарисовках-раздумьях Семёна Гаврилова. Он берётся за большие, порой даже философские темы, на которые можно написать не то что повесть, а даже роман. И он будет написан, но не автором, а читателем. Каждому читателю автор даёт возможность

додумать, доразмышлять, покопаться в своём жизненном опыте, в своих личных переживаниях.

Его герой, к примеру, совершает простой поступок: идёт на свидание и гуляет с любимой до самого утра. Они сидят на скамеечке в парке, наконец, целуются, он читает ей свои стихи, а она с трепетом слушает их, положив голову на плечо возлюбленного.

Ну и что в этом особенного? Таких пар миллионы. Но есть лишь один малюсенький нюанс: наши влюблённые — супружеская пара, прожившая в браке три десятка лет. Именно этот нюанс сделает так, что небольшое по формату произведение поселится в душе читателя и заставит его или грустно улыбнуться, или мечтательно вздохнуть, или скептически подумать: «Так не бывает». У каждого своё мнение, а желание одно: хотя бы на несколько минут вернуть себе то сладостное, щемящее чувство, которое мы испытывали, впервые присаживаясь вдвоём на скамейку в старом парке.

Но в череду милых, трогательных и лиричных зарисовок вдруг врывается произведение совершенно другого плана. Это «Первый шаг», который делает юный герой, вступая в борьбу с варварской жестокостью, жившей в его родных местах веками. И опять произведение мало по форме, но громадно по силе воздействия. Под его влиянием читатель любой национальности вдруг вспомнит, что и в жизни его ближайшего окружения был случай, когда сын, защищая мать, выступил против произвола отца. К сожалению, практика доказывать «свою любовь» кулаками не имеет национальности и жива по сей день.

Совершенно отдельно, обособленно от всего остального, стоят в творчестве Семёна Гаврилова сказки. Он назвал их «Сказками гончарного круга», потому что именно гончарный круг своим неспешным и плавным движением не только помогает появиться на свет кувшинам, горшкам и глиняным вазам, но и навевает старому гончару воспоминания о сказках, услышанных им когда-то от отца или деда. Старый гончар работает и одновременно, как и его предок когда-то, рассказывает внукам сказки. Пройдут годы, и его внуки тоже расскажут эти сказки уже своим внукам.

«Сказки гончарного круга» и впрямь очень похожи на народные, на те, что передавались из уст в уста. Они мудры, немного ироничны. В них нет чётко выписанной морали, но она напрашивается сама собой. А ещё в них много любви и обязательно чуточка грусти.

По колориту «Сказки гончарного круга», конечно же, восточные, хотя в них и нет характерных для этого рода сказок описаний великолепных замков, пышных покоев шахов и эмиров, бурных пиров, коварства злобно-го визиря... Нет, эти сказки совершенно о другом.

*Рассказывал мне дед седобородый,
Что наша жизнь сравнима лишь с дорогой.
Есть много остановок на пути,
Но лишь идущему до истины дойти.*

Данное четверостишие из своего стихотворения «Рассказывал мне дед...» автор вполне мог сделать эпиграфом к сказкам, в которых образ дороги появляется неоднократно. И не всегда, естественно, дорога у Гаврилова — понятие чисто географическое. Выбор своей дороги у него, скорее, дело нравственное, некое испытание на прочность, момент принятия судьбоносного решения.

Так в сказке «Дороги судьбы или старая сказка» герой оказывается у самого настоящего перекрёстка четырёх дорог, на котором даже имелся указатель. Вот только надписи на этом указателе были странными: на одну дорогу указывала стрелочка с надписью «Богатство», на другую — «Слава», на третью — «Счастье». Какую бы из этих дорог выбрали вы? Вот и я не знаю... тем более, что была ещё и четвёртая дорога, у которой вообще указателя не было.

Очень просто живётся на свете тем, кто с лёгкостью выбрал бы дорогу из числа первых трёх. Гораздо сложнее тем, кто решается ступить на четвёртую — дорогу в неизведанное. «По этой, самой трудной из дорог, идут очень немногие, — говорит внуку старый гончар. — Только тот, кто хочет найти самого себя, кто хочет понять смысл жизни — тот идёт по этой дороге». Как часто ступившие на эту дорогу уходят безвозвратно, теряются в глуби веков. И лишь единицам везёт. Именно они, смело шагнув вперёд, становятся путеводной звездой целых поколений.

Свою книгу «Огонь свечи» автор посвящает своим деду и отцу, ведь, если разобраться, они-то и есть самые настоящие «путники четвёртой дороги».

*Маргарита КОЗАКОВА,
редактор.*

МИНИ-НОВЕЛЛЫ СЕМЁНА ГАВРИЛОВА

Семён Гаврилов родился и вырос в Дагестане. Кавказ для него — не просто место его рождения, а источник вдохновения.

У вас в руках вторая книга литератора «Огонь свечи», посвященная близким ему людям. Автор следует природе вещей, стараясь не противоречить правдоподобию, и отвергает всё, что его лишено. Повествование о минувшем связано с осмыслением настоящего. Ему не терпится рассказать о тех проблемах, которые он уже разложил по полочкам в уме.

Семён Гаврилов избрал для своих произведений форму коротких эпизодов-миниатюр. Миниатюры, похожие на мини-новеллы, изобилуют монологами-исповедями и остро сюжетными диалогами. На каком бы языке не звучали его рассказы, на русском или горско-еврейском, исповедальная книга Семёна Гаврилова прямодушна и искренна. Автор живёт жизнью своего народа. Открытая душа подчиняет себе внутренний и внешний мир, действуя во имя уважения к его традициям.

Достоинство всякого произведения зависит от способности литератора уплотнять изложение. Мне представилось, что именно так поступил Семён Гаврилов, извлекая даже из коротких миниатюр немыслимый эффект. Он с лёгкостью облакает в рассказ внутреннее движение собственной мысли, чем доставляет нам удовольствие.

О книге можно всерьёз сказать, что она удачна, только тогда, когда в процессе чтения ты открываешь для себя что-то, о чём не задумывался раньше, и даже не предполагал, что знаешь это. «Огонь свечи», несомненно, из числа таких книг.

*Галина АГАРОНОВА,
член Союза писателей Израйля, литературовед.*



АССКАЗЫ
РАЗДУМЬЯ
ЗАРИСОВКИ

ОГОНЬ СВЕЧИ

Часто, глядя, как горит свеча, задумываюсь о том, что её огонь и то, как она горит и сгорает, очень сильно напоминает нашу жизнь.

Когда свечу только зажгли, капли горячего воска стекают вниз, почти не оставляя следа. Так и у нас почти нет воспоминаний о раннем детстве, только редкие картины, как бы выхваченные памятью из жизни. Но потом капли воска накапливаются и наша память наполняется воспоминаниями. Но свеча горит, и часть из них «сгорает», уступая место другим, более поздним, событиям. Такие «сгоревшие» воспоминания даются потом с трудом, как что-то знакомое, но далёкое.

К концу жизни воспоминаний — капель воска становится так много, и они так сильно наслаиваются друг на друга, что уже трудно разобрать, когда и где это происходило. А потом свеча гаснет, но остаются оплавленные и наслоенные капли воска — память, которая продолжает жить до тех пор, пока нас помнят.

Потом приходит ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО зажигать и гасить свечи. Именно ОН убирает всё, что уже отгорело, и на этом месте зажигает новую свечу.

ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО, незримо ходит меж нас и гасит те свечи, которые сильно коптят или горят бесцельно, не освещая ничего вокруг. А бывает так, что ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО, раздувает огонь уже почти угасшей свечи, и она разгорается ярким чистым светом.

Чаще всего свеча горит ровным спокойным огнём и сгорает до конца или почти до конца. Но бывает и так, что огонь свечи мечется, горит неровно, то угасая, то вспыхивая ярким светом. Такая свеча гаснет быстро и редко догорает до конца.

Часто, глядя, как горят свечи, думаю — что нужно? Просто гореть. Гореть, освещая путь идущим и помогая найти ищущим. Просто гореть. И как светло было бы жить всем. Но нет. Некоторым неймётся. И тогда...

И тогда ТОТ, КОМУ ДОВЕРЕНО, поднимает ветер. И гаснут свечи, гаснут без времени...

А ведь всего-то и нужно было, — Просто Гореть.

ЛЮБОВЬ ЖЕНЩИНЫ

Сегодня, переворачивая исписанный лист и начиная новый, пытаюсь подвести итог прожитым годам. Что успел? Что сделал? Чего достиг?

Благополучный дом, хорошая семья, прекрасные дети. Стихи. Друзья. Работа. Всё, или почти всё, чего хотел. Но почему мне всё время кажется, что это не самое главное и не так важно.

Тогда что же?

Недавно я пережил очень сильный стресс, после которого долго не мог оправиться. Я забросил стихи, так как не мог написать ни одной строчки. Я не мог уснуть по ночам, а если и засыпал, то снились мне кошмары. Я перестал ходить на работу, совсем не выходил из дому. Одним словом — заболел. Заболел так, что никакие лекарства не помогали. Я бродил по дому беспрестанно, как человек, потерявший рассудок, лишь изредка впадая в забытье.

И вот однажды, находясь в такой полудрёме, я почувствовал, как тёплая, чуть шершавая, ладонь легла мне на лоб...

И я уснул. Уснул спокойно впервые за много дней. Стого самого дня я пошёл на поправку. Боль от увиденного и пережитого постепенно уходит. Я уже встречаюсь с друзьями, пробую писать. Но знаете, я рад тому, что болел. Иначе я никогда не осознал бы полностью того, что имею — Любви Женщины. Не почувствовал бы всей силы и глубины этой любви — настоящей, искренней, полной. Любви Женщины, которая принимает меня таким, какой я есть, а не таким, каким хочу быть. Женщины, которая умеет не замечать и прощать мои ошибки и «преступления», которая со мной на равных тянет «воз жизни», переносит все тяготы и невзгоды. Женщины, которая даёт мне силы, когда мои иссякли, и которая помогает мне подняться, когда сам подняться я уже не в силах...

Теперь я понимаю: и дом, и семья, и дети, и всё прочее теряется рядом с Любовью Женщины. Всё это пусто, если оно не освящено Любовью Женщины. Всего этого нет, если нет Любви Женщины.

И я благодарен Б-гу за то, что у меня есть самое главное в жизни — ЛЮБОВЬ ЖЕНЩИНЫ.

СВИДАНИЕ

(Невымысел)

На работу я не шёл, летел.

«Она согласилась. Я увижу её вечером», — эти мысли переполняли меня. На работе всё горело у меня в руках. Сослуживцы перешёптывались, поглядывая на меня, а Любовь Григорьевна выдала: «Мальчишка».

Едва дождавшись конца рабочего дня, я уже спешил к месту встречи, представляя, как увижу её и что скажу ей. Ненадолго остановившись у киоска с цветами, я выбрал три крупных нераскрывшихся бутона тёмно-красных роз, точно зная, что именно эти цветы она любит.

Как всегда, боясь опоздать, я пришёл раньше и долго ждал, нетерпеливо поглядывая на часы.

«Кого ждёшь?», — она подошла неожиданно.

«Тебя», — смутился я и, вспомнив, протянул ей цветы.

«Спасибо, — улыбнулась она, а её лицо порозовело от удовольствия. — Ну, пошли».

Мы ходили по улицам города, говоря о чём-то не совсем важном, глупом и смешном, сидели в кафе за чашкой кофе и смотрели, как на город опускается вечер.

Когда совсем стемнело, мы пришли на приморский бульвар и долго стояли, тесно прижавшись друг к другу, глядя в море. Мы никуда не торопились, зная, что завтра выходной, и можно подольше побыть вдвоём.

Потом, сидя на «нашей» скамейке, я читал ей свои стихи, а она слушала, положив голову мне на плечо. В тот момент во всей вселенной были только мы.

И лишь подросшая берёза склонилась над нами, как и тридцать лет назад, вслушиваясь в признания двух влюблённых.

Домой мы возвращались рано утром. И редкие прохожие удивлённо смотрели на двух немолодых людей, которые шли, крепко держась за руки. Шли, оставляя позади ссоры и обиды, боль и слёзы. Шли навстречу новым радостям и печалям, навстречу новому дню.

ПРЫЖОК

Он стоял в оконном проёме. Он должен прыгнуть, должен. Не то она уедет, а он останется. И тогда...

Он старался не думать о том, что это четвёртый этаж, и приземляться ему придётся на асфальт. Единственное, что он мог позволить себе, это попытаться, преодолев более восьми метров в сторону, опуститься вначале на бетонный навес над подъездом и уже потом, оттолкнувшись от него, приземлиться. Так шансы не сломать ноги несколько увеличивались, однако, если он не долетит до подъезда, возрастала вероятность разбиться. Но он не думал об этом. Не оставляя себе возможности передумать, он считал минуты, чтобы спрыгнуть в последний момент и, сломя голову, бежать через весь город. Поезд отправлялся через двадцать минут.

Крепко взявшись за полы лёгкого пальто, и превратив их в некое подобие крыльев, он спрыгнул. Внезапно потемнело. В этой крошечной темноте он ясно увидел чьи-то глаза, смотревшие на него. И было в этих глазах столько преданности и тепла, что исчезли все страхи и всё, казавшееся таким важным, вдруг стало пустым и ненужным.

Едва коснувшись кончиками пальцев навеса, он спружинил и, легко приземлившись, бросился к вокзалу, влетел в вагон и без слов сел рядом с ней. Постепенно удивление на её лице исчезло, уступая место смущению и улыбке.

Она сидела прижавшись к нему и положив голову ему на плечо. Ощущая тепло его тела, и вслушиваясь в спокойные и сильные удары его сердца, она не думала ни о чём. Она была счастлива.

Она не знала, что уже завтра, увидев его на улице, пройдёт мимо, спрятавшись за тёмными очками. И потом, когда он уйдёт в армию, она так и не напишет ему ни одного письма, но радостно сообщит ему, приехавшему в отпуск, что встречалась с парнем, который однажды просто не пришёл на свидание, и она поняла, что он, её солдат, самый лучший.

Она ещё не знала, что это будет их последняя встреча. Не знала, что через много лет будет плакать по ночам в подушку, боясь разбудить безмятежно спящего рядом мужа. Она ничего этого не зна-

ла. Счастливая, она сидела, прижавшись к нему, и вслушивалась в удары его сердца.

А он сидел рядом, боясь шевельнуться и спугнуть счастье, задремавшее на его плече. Он ещё не знал, что уже завтра она пройдёт мимо, а потом, его — «красавчика и умницу», бывшего душой любой кампании, променяет на городского хулигана и сразит его своим предательством наповал. И он, разуверившись во всём, будет мстить всему миру, пустив свою жизнь под откос. Он ещё не знал, что его жизнь превратится в нескончаемое свидание, в котором будут меняться только лица женщин. И душа его испуганным котёнком спрячется где-то внутри так, что он и сам забудет, что у него когда-то была душа. Он ничего этого не знал.

Незаметно для себя, он поглаживал пальцы руки, лежавшей на его колене. Но странное дело: он не думал о той, что сидела, прижавшись к нему, он не замечал людей, находившихся в купе, он ясно видел глаза, наполненные любовью и теплом. Он ещё не знал, что обладательница этих глаз, девочка — подросток, которой едва исполнилось четырнадцать лет, однажды летней грозой ворвётся в его жизнь. Ворвётся, смывая, как грязь, всю боль, наполнявшую его сердце. Но, не выдержав его холодного одиночества и безудержного отчаяния, уйдёт. Уйдёт, чтобы вернуться уже навсегда.

А он, отогретый этим тёплым дождём, начнет оттаивать, остановившись на самом краю бездны. Он с удивлением обнаружит, что душа его ещё жива, и в ней под этим дождём расцвёл цветок надежды, который заставляет нас жить в самых безысходных ситуациях.

Потом, через много лет, которые будут наполнены теплом и любовью, он будет вспоминать этот свой прыжок как нечто живое, как исходную точку, с которой начался отсчёт его взрослой жизни. Он будет помнить, как та, первая, ушла, закрыв дверь на ключ, и оставив его одного в квартире. Отчаяние и страх потерять её, толкнул его к окну на четвёртом этаже многоэтажки. Он навсегда запомнит юношу в оконном проёме, прыгающего навстречу своей судьбе.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Отец всегда бил мать. Сколько помнил себя Шамиль, так было.

Мужчины в их селении не жалели сил, вколачивая в женщин свою любовь. Каждый старался при этом оставить как можно больше следов на лице и руках жены. Все мальчишки в селении с детства знали, что, когда вырастут, также будут бить своих жён.

Но Шамиль не мог понять, для чего бить, показывая свои чувства. Ведь когда отец ласково гладит его по голове или треплет за чуб понятно, как сильно он любит сына. Шамиль не мог понять, почему мать молчаливо терпит побои мужа. Он несколько раз спрашивал своего старшего брата Али об этом. Но тот с высоты своих десяти лет неизменно отвечал: «Так надо, так должно быть, так было всегда». Али не знал, что некоторые из мужчин отказывались бить своих жён, но, встретив озлобленное непонимание, либо уезжали из села, либо.

...Шло время. Шамиль подрос и пошёл в школу. Выказав незаурядные способности в учёбе, он очень быстро научился читать и с удовольствием читал всё подряд. Но, странное дело, ни в одной книжке не говорилось, что когда любят — бьют, а совсем даже наоборот — мужчины придумывали для своих женщин разные красивые слова, дарили подарки. Шамиль как-то сказал об этом отцу, но тут же получил затрещину: «Кто я такой, чтобы менять обычаи предков». И Шамиль смирился, стараясь принять происходящее в семье как данность.

А отец свирепствовал всё больше и больше, придираясь к матери по пустякам и стараясь бить не по лицу, как раньше, а по пояснице, в грудь, в живот. «Любил» он на глазах сыновей, приговаривая при этом: «Учитесь! Чем сильнее бьёшь, тем сильнее любить будет». Али улыбался и кивал в такт ударам отца, а Шамиль смотрел каким-то непонятным для отца, посторонним взглядом, крепко сжав губы. И этот взгляд раздражал отца ещё больше, и удары сыпались всё чаще.

Как-то, помогая матери перетянуть свёрнутой простыней грудь — было сломано ребро, Шамиль спросил, почему она терпит, ведь она может просто уйти.

На что мать, грустно улыбнувшись, сказала: «Это только в твоих книжках всё красиво, а в жизни...». Она рассказала, что уже уходила однажды, но старая увечная Наина, её мать, бабка Шамиля, заподозрив неладное, прогнала её со двора, где сидела недвижно целыми днями. Идти было больше некуда, вот она и вернулась.

Мать ещё раз грустно улыбнулась и вдруг попросила: «Сынок, ты будь с отцом помягче, не смотри на него так. Ради меня, сынок, а то нет никаких сил терпеть», — и беззвучные слёзы покапались по её щекам. Шамиль прижался к матери: «Ладно, мам».

Он старался изо всех сил, как Али улыбался и кивал головой, и даже хлопал в ладоши. Но, видимо, получалось у него плохо, потому что отец только ухмылялся и бил. Что происходило в его душе, Шамиль не мог понять, он знал только что это не правильно, не справедливо, не должно так быть. Но так было, пока...

Али не было дома, он играл на улице со сверстниками. Шамиль, как всегда, сидел на тахте с книжкой, когда вернулся отец. Прямо от двери без лишних слов он обрушил на мать град ударов. Женщина, пытаясь увернуться, отступила к двери в комнату, но муж догнал её, схватил двумя руками за голову, стараясь ударить о дверной косяк. И тут что-то подняло Шамиля с тахты. Он схватил отца за локти со спины и крепко прижал к себе. Внезапно он почувствовал в себе такую силу, которая позволила ему, не полных 13-ти лет худощавому мальчишке, удерживать сильного 40-летнего мужчину. Отец, подавшись назад, прижал сына к стене и несколько раз ударил его головой в лицо наотмашь. У Шамиля хлынула кровь. Всё дальнейшее он уже не помнил.

Очнулся он на тахте, как после сна. Рядом сидел Али, мать убиралась в коридоре. Ничто в доме не напоминало о происшедшем. Но Шамиль понимал — что-то изменилось. Больше отец не трогал мать, хотя иногда сын слышал, как мать плачет по ночам. К Шамилю он стал относиться как к старшему, отдавая ему за обедом лучшие куски и называя своим помощником. Али при этом совсем не выказывал недовольства.

Что-то изменилось и в отношении односельчан. Мальчишки, которые прежде смотрели на Шамиля с пренебрежением, теперь замолкали и глядели с подобострастием. Мужчины уважительно

здоровались за руку, спрашивая о новостях. Женщины, завидев Шамиля, старались угостить его тем чем мог.

Первое время после этих событий Шамиль пытался вспомнить хоть что-то. Но это ему не удалось, и он забыл обо всём. Но осталось ощущение силы — когда ты можешь всё.

Шли годы. Шамиль вырос, окончил школу и уехал учиться в город. Учился он хорошо, и его оставили работать при институте.

Здесь он и встретил свою Надию. Жили они дружно. Хотя, бывало так, что уставший и раздраженный неприятностями на работе Шамиль срывался и начинал кричать, но руки на жену не поднимал. А ласковая Надия молча обнимала мужа, и всё плохое уходило куда-то, в доме вновь воцарялся мир и слышался детский смех.

Мать Шамиля приезжала к ним в гости, зачастую оставаясь надолго. Эта уже старая, но подвижная, полная сил женщина ладила с невесткой, которая часто делилась со свекровью, помогавшей ей на кухне. Однажды она рассказала, как Шамиль поднял сразу обоих сыновей, бывших и выше, и шире отца, и задумчиво прибавила: «Есть в нём какая-то сила...». «А знаешь, ведь он мне жизнь спас», — неожиданно сказала свекровь, и неизвестно откуда взявшиеся, слёзы покатились по её щекам.

Давно ушедшие события снова ожили в её памяти. Голос её часто прерывался и дрожал: «Когда отец несколько раз ударил крепко державшего его Шамиля головой в лицо, у мальчика полилась кровь. Я сильно испугалась. Но неожиданно сын, ещё крепче сжав отца, поднял его в воздух, с силой кинул на тахту и сказал: «Ещё раз тронешь, убью! Понял?». И было во взгляде, в голосе, во всём облике мальчишки что-то такое, что сильный взрослый мужчина испугался и едва слышно прошептал: «Понял».

И тогда Шамиль упал. Вместе с Али, прибежавшим на шум, я умыла и передела мальчика, уложив на тахту. Весть о происшедшем быстро облетела всё селение. Любвеизлияний с помощью кулаков сразу стало меньше, а потом они прекратились и вовсе».

Рассказывая, мать поглядывала на сына. Но Шамиль не слышал ее, он видел лишь дочь, расставлявшую на столе пиалы с чаем и вазы с конфетами и вареньем. Конечно, он любил всех детей

одинаково, но мальчики — его честь и гордость, будут рядом, и он всегда сможет помочь им. А девочка уйдёт в чужую семью, и ещё неизвестно, как сложится её жизнь. А он так хочет, чтобы она была счастлива.

Но, видимо, Шамиль так и не осознает, что свой первый шаг к счастью дочери он сделал много лет назад.



МАЛЬЧИК С БОЛЬШИМ СЕРДЦЕМ

В одном из городов, каких много, жил мальчик лет 13. Обычный мальчик, каких тысячи в каждом городе. И было у мальчика Большое сердце.

Сердце, которое болело чужой болью; сердце, которое грустило, когда кому-то было плохо, и радовалось, когда другим хорошо. И спешил мальчик помочь тем, кому нужна была помощь. Спешил, когда звали, но чаще, когда не могли позвать.

По разному относились к мальчику жители города. Некоторые смеялись и злорадствовали: «Подумаешь, ангел на земле, хочет быть лучше других». Другие жалели, мол «у мальчика не всё в порядке с головой». Третьи удивлялись: «Ему что больше всех надо? Какое ему дело до других?» — и смотрели на него кто с усмешкой, кто с жалостью.

Имени мальчика почти никто не знал, и называли его просто «мальчик с Большим сердцем». Постепенно люди привыкли к мальчику, к тому, что он всегда рядом, когда нужен, и не удивлялись, только улыбались кто с насмешкой, кто со злобой, кто с жалостью.

Шло время. Мальчик вырос и изменился. Это был уже мужчина сорока лет крепкий и сильный. Только глаза, ясные и чистые, выдавали в нём прежнего мальчика. И сердце, которое плакало, когда он не мог помочь кому-то, и радовалось, если это удавалось. И ему было совсем неважно, что он будет есть сегодня и где будет спать. Его часто видели спящим в парке на траве или в каком-нибудь дворе на скамейке. Нет-нет, вы не думайте, у него были и дом, и жена. Но она выгнала его, устав от того, что он последнее отдаёт, думая и заботясь о других и забывая о себе. Вначале она просила и уговаривала, но потом...

Так было и, казалось, так будет. Но однажды...

Он упал неожиданно, будто споткнувшись. Сердце его сжалось, стало маленьким-маленьким и как будто сошло с ума. Оно билось то очень быстро, то останавливалось почти совсем. И впервые в его глазах отразилась собственная боль, которая всё нарастала, наполняя сердце.

Он не мог сказать ни слова и лежал без движения, закрыв глаза.

А вокруг шумела толпа. «Ну что, допомагался?», — злорадствовали одни. «Хотел быть лучше всех», — хихикали другие. «Ну что неймётся? Ведь никто не просит», — жалели третьи. Но почему-то никто не подумал, что сейчас впервые ему нужна их помощь, помощь тех, кому он помогал столько лет, не ожидая благодарности.

Он очнулся от тишины, окружавшей его.

С трудом открыв глаза, он увидел: толпа разошлась, а возле него стоит мальчик лет тринадцати, обыкновенный мальчик, каких много. В глазах мальчика застыли боль и слёзы...

И, закрывая глаза в последний раз, он подумал: «У этого мальчика Большое сердце».



ССОРА

Они повздорили. Бывает. Завтра они и не вспомнят о причине размолвки. Но сегодня...

Она говорила резко и жестко, не сдерживая эмоций. Её слова, обидные и язвительные, наносили ему незаслуженную боль. Боясь сорваться, он схватил куртку и, не включая в подъезде свет, почти выбежал из квартиры. Не дожидаясь лифта, он бросился вниз по лестнице. Где-то наверху хлопнула дверь. Наступила тишина. Выскочив из подъезда, он замер. Это была не его улица. Точнее...

Он шел, озираясь по сторонам и вглядываясь в лица прохожих. Ему были знакомы эти люди, но они почему-то шли мимо, не замечая его. И вдруг...

Воспоминания нахлынули неожиданно. Он узнал эту улицу, по которой часто гулял с отцом, слушая его рассказы. Он узнал и эти дома в их небольшом городе. Он узнавал вывески, которые сейчас казались до смешного простыми и очаровательными.

Он шёл по улице своего детства. Вот его школа. Он помнил, что как-то мальчишкой порвал штанину, перелезая через школьный забор, и потом ему досталось от матери «на орехи».

А вот старый кинотеатр. Именно здесь он познакомился с дедом Всеведом, с Ассолью и Греем. Именно здесь он впервые увидел «Всадника без головы» и побывал в замке Иф. Позже книги расскажут ему об этом и многом другом и станут его всепоглощающей страстью. Он будет читать всё подряд, по много раз перечитывая понравившееся. Но это позже, а сейчас память вела его по тихим улочкам детства, где он играл в «казаки-разбойники» с ребятами с их двора, вела по парку, где он однажды встретил Её. Ту — первую, которая, сверкнув яркой молнией, осветила юность и исчезла, оставив после себя только боль, спрятанную им глубоко-глубоко на самом донышке сердца.

И снова парк, но это уже другой парк. Парк в большом городе, куда он уехал учиться после школы. Парк и приморский бульвар, и его скамья. Позади скамьи три берёзки, посаженные им в один из вузовских воскресников. Он любил это место и часто приходил сюда. Здесь, закрыв глаза и слушая море, он уносился в одному

ему известные города и страны. Через много дней эти его странствия обретут жизнь в рассказах и стихах. Но это через много дней, а сегодня...

На его скамье кто-то сидит. Девушка. С книгами. Наверное, тоже студентка. Протягивает ему исписанный лист. Стихи. Его стихи.

«Я нашла это здесь. Наверное, ваше», — и улыбнулась просто и искренне.

Также просто и искренне она улыбнётся ему, промолвив робкое «да», и глаза её будут полны любви и тепла. И он будет счастлив. Он будет счастлив, и когда она выйдет с их первенцем из дверей роддома. Они вместе будут радоваться и первому шагу, и первому слову. Он задумался, но нетерпеливая память вела его дальше.

Вот и дочь, неуклюже складывающая свою одежду перед сном и пресекающая любые попытки помочь ей коротким «я сама». А вот младший — забияка и драчун. Именно он приносил больше всего беспокойства. Вместе с детьми они снова ходили в школу, снова дружили и влюблялись. Вместе с ними они заново познавали простые и вечные истины. Благодаря им, они стали ещё ближе, ещё роднее.

Уложив детей, они говорили о чём-то своём, засиживаясь до поздна. Он читал ей стихи о любви — его любви к ней, а она улыбалась просто и искренне, и глаза её были полны тепла и любви.

Он снова задумался. Они — это он и она вместе. Но сегодня он оставил её одну. Он, который всегда был ей поддержкой и защитой, бросил её. Он остановился. Где он, куда идёт?

Где-то хлопнула дверь. Неожиданно улица наполнилась шумом. А он...

Он стоял у своего подъезда с курткой в руках. Он уже не помнил, что произошло, и куда он шёл. Он знал только одно: они — это он и она.

Он взбежал по лестнице, перескакивая через две ступени. Она стояла в дверях.

Прижавшись к нему, она улыбнулась просто и искренне: «Прости». И он снова был счастлив. «Ну что, пошли?» — он обнял её за плечи. Им предстояло заполнить приглашения — дочь выходит замуж. С момента их ссоры прошло пятнадцать минут.

СЕРЕБРЯНАЯ ТАБАКЕРКА

(Быль)

*Светлой памяти моего дяди,
погибшего под Ленинградом, посвящается.*

Не помню, с чего начался наш разговор, но говорили мы о людях. Да, о людях, о том, какими они бывают, люди...

«Не буду рассказывать того, чего не видел сам. То, что ты сейчас услышишь, происходило во время войны. Служили у нас в полку отец и сын. И получилось так, что отец служил у сына. В начале войны отец добровольцем ушёл на фронт, а сын, окончив военное училище, пришёл к нам лейтенантом. Он выглядел ещё совсем мальчишкой, этот лейтенант. Только глаза, тёмно-синие и печальные, делали его строже.

Ещё до прихода сына отец часто рассказывал о нём: «Глаза у него синие-синие, если он весел и смеётся, то они становятся нежно-голубыми, а обидишь его — глаза темнеют и...» Потом он доставал серебряную табакерку и говорил любовно: «Подарок сына».

По вечерам отец часто приходил к сыну, они подолгу говорили о чём-то своём, и глаза сына оттаивали, становились тёплыми и голубыми.

Так было и в тот вечер. Они проговорили допоздна, и лейтенантовы глаза стали цвета подснежников, которых было много в ту весну. Когда отец уже собрался уходить, раздался требовательный звонок. Это был приказ о наступлении. Но исход боя зависел от того, как быстро мы преодолеем минное поле, которое начиналось сразу за нашими окопами, займём ближние к врагу позиции и возьмём его внезапностью.

Кого послать на поле? У всех семьи, матери, жёны...

Долго думал тогда лейтенант и решил: должен идти кто-то из них с отцом, вернее, он должен идти сам. Но чтобы, если что, отец знал. Он так и сказал отцу. Тот, ничего не говоря, снял ремень, оружие и вышел».

Рассказчик надолго замолчал. Затем он достал серебряную табакерку и закурил.

— Отец тогда не вернулся, — сказал он, ещё раз затянувшись. Только много позже стало известно, что они никогда не были отцом и сыном. Он потушил окурок.

— А они знали об этом?

— Наверное, знали, но никому не говорили, — он еще раз затянулся и опять надолго замолчал.

— Ну что, пойдём?, — гася сигарету, спросил он.

И только дома увидев, какие у него глаза. Синие-синие, немного грустные и печальные.



УТРО В ДЕРЕВНЕ

Вы когда-нибудь встречали утро в деревне? Проснёшься рано, выбежишь в степь и ждешь. Кругом тихо тихо, ни души, только ты и степь. Насколько глаз хватает, кругом степь. Только вдали слышится лес, и речка, голубой лентой вплетаясь в лес, исчезает за горизонтом. Предрассветные минуты полны тишины. Кажется, что даже сердце в груди замирает и вот-вот остановится. И вдруг...

«Кукареку-у-у!», — слышится из деревни. Край неба начинает лететь, и из-за реки как бы на этот зов, появляются первые лучи солнца. Оно растёт и вот уже лес исчезает в ярко-алой дымке.

И опять: «Кукареку-у-у!», — это вторые петухи пробуждают деревню. А солнце раскалённым диском уже выплывает из реки и катится в небо. И вот уже жаворонок славит утро. А в деревне стучат калитки, и раздаётся мычание коров, сгоняемых пастухом в стадо. Женщины несут воду из колодца. Колодезный журавель, приводимый в движение, тихонько поскрипывает, как бы благодаря за жизнь, подаренную ему человеческими руками...

А ты возвращаешься в деревню с ощущением чего-то большого и незабываемого, свидетелем которого только что был.



СПУТНИК

Дорога. Поезд. Колеса стучат на стыках рельс. Мелькают столбы, поля, перелески, одинокие дома, затерявшиеся в степи. Бесцельно смотрю в окно. Поезд замедляет ход. Остановка. Выскакиваю из вагона. Бегу к лотку с газировкой. Свисток. Удар колокола. С бутылками в руках вскакиваю в вагон. И опять столбы и станции.

И вдруг... Мальчишка лет девяти. Ветер растрепал волосы, распахнул рубаху. А он, босой, с широко раскрытыми глазами, машет рукой вслед уходящему поезду.

И снова однообразная серая картина. Столбы. Станции.

Проходят часы, дни. Но глаза, глаза, в которых я увидел мечту, преследуют меня.

Поезд мчится вперёд. Я тщетно гляжу в окно. И вдруг...

Он! Мой неутомимый спутник! Также распахнута ветром рубаха. По-прежнему растрёпаны волосы, поднята рука. И глаза... Широко раскрытые глаза, в которых живет мечта.



ЛЮДИ – ПТИЦЫ

(Цыганская легенда)

Это было очень давно. Так давно, что этого уже никто не помнит. Люди тогда летали как птицы. Но постепенно они устали от постоянных перелётов, поэтому каждая стая выбирала для себя место на земле и останавливалась там. Люди строили дома, обзаводились хозяйством и вскоре забывали о том, что когда-то умели летать. Только тяга к перемене мест напоминает об этом.

В те далёкие времена жила стая птиц. Это были особенные птицы. Они умели петь так, как никто. И песни эти были то весёлые и озорные, то грустные и печальные. От этих песен хотелось и смеяться, и плакать. И ещё эти птицы любили всё яркое и блестящее.

Жила эта стая своей обособленной жизнью. Даже тогда, когда другие уже выбрали себе место на земле и стали забывать, что когда-то были умели летать, эта стая продолжала перелетать с места на место, нигде не останавливаясь подолгу.

Ничто не могло заставить гордых птиц выбрать место и жить как другие. И завидовали «приземлённые» такой любви к свободе, и шептались. А самые злые придумали...

Однажды, когда птицы остановились на ночлег, нашли они на месте стоянки много красивой одежды, украшений, и обрадовались находке. Мужчины облачились в ярко-алые рубахи и пояса, женщины надели разноцветные кофты и юбки. Кстати пришлось и украшения — ожерелья и цепочки, кольца и браслеты.

Но всего было так много, и всё было такое красивое, что птицы не могли остановиться и продолжали надевать на себя одежду и украшения. А потом всю ночь жгли костры, пели песни и танцевали.

Незаметно пришло утро. И тут случилось неожиданное. Под тяжестью одежды и украшений птицы не могли взлететь. Много раз пытались они подняться в небо, но...

И тогда пошли птицы по дороге... Много лет прошло. Но до сих пор ходит по дорогам гордое племя, люди-птицы, облачённое

в яркую одежду и старинные украшения. Ходит и в жару, и в холод, и в дождь, и в снег. А когда останавливаются они на отдых — жгут костры, танцуют и поют.

И плывут над землёй песни озорные и весёлые, грустные и печальные. И хочется от этих песен смеяться и плакать.



ТРИ ДОРОГИ

(Сказка)

Давным-давно, ещё от своего деда, слышал я, что в старые времена жили два брата. В наследство от родителей им достались кинжал, у которого была разбита рукоять, и ружьё, у которого не было приклада. Не было в их старом развалившемся доме счастья. Долго мучились братья, пока...

Проходил однажды через это село странник. По доброте своей братья приняли его, поделили с ним свой скудный ужин и крышу над головой.

Наутро, прощаясь, странник сказал: «Слышал я от мудрых людей, что есть в жизни каждого человека своя дорога. Только найти эту дорогу не так просто». И ушёл...

Подумали братья и, заколотив дом, пошли искать по свету свою дорогу. Выйдя из села, они остановились — перед ними было три дороги. Какую дорогу выбрать, по какой пойти?

И тогда сказал один из братьев: «Выберу одну и пройду её до конца, какой бы трудной она не была». Второй же брат сомневался и никак не мог сделать выбор: «Если пойду по этой, а моя дорога та; пойду по той, а моя дорога эта...»

Попрощались братья и расстались. Один пошёл вперёд, а другой остался на распутье.

Много лет прошло. Но помню, говорил дед, что тот, который ушёл, пришёл в большой город, начал работать, стал уважаемым человеком. В его доме всегда слышался смех, и было веселье. А второй брат так и остался у трёх дорог.

Говорят, что можно было пройти уже все три дороги, а он только ноги стёр в кровь, переходя от одной дороги к другой.



СОСНА И ДУБ

(Сказка)

Давным-давно росла в лесу сосна. Была она высокой, и стройной и очень этим гордилась. Недалеко от сосны рос дуб. Невысокий и кряжистый, он был постоянным объектом насмешек красавицы-сосны. Дуб терпеливо переносил насмешки и про себя потихоньку думал: «Смейся, смейся, ещё не известно кто лучше и больше пользы принесет».

Так думал дуб. А сосна любовалась собой и посмеивалась над неуклюжим дубом.

Шло время. Однажды весной прилетел дятел. Усевшись на сосну, он выдолбил дупло, в котором и поселился. Через некоторое время уже птенцы долбили сосну. А она ещё больше гордилась. А дуб стоял и молчал. Через несколько лет сосну уже нельзя было узнать: середина у неё сгнила, кору поели жучки-короеды. Она уже не смеялась над дубом, а только молчала и вспоминала прошедшие дни.

Однажды пришли люди. Они долго осматривали дуб и сосну. Потом спилили дуб и увезли куда-то. А сосна осталась стоять в лесу.

Холодной зимой возле горячей печки, в которой весело потрескивали дубовые поленья, собирались дети. Они садились в кружок и просили бабушку рассказать им о сосне, о дубе и том, как можно приносить пользу, сгорая в печке.



КАЗКИ
ГОНЧАРНОГО
КРУГА

Литературный портал «Что хочет автор»
Международный Союз писателей
«Новый Современник»

ГРАМОТА

Четвертый Международный литературный конкурс
"Вся королевская рать". 2-й этап

награждается

Михайлов

(ГАВРИЛОВ Семен Михайлович)

За литературные успехи в номинации

Сказки для детей и взрослых

Председатель МСП «Новый Современник»,
Руководитель Литературного портала
«Что хочет автор»



Майзельс И.М

Вместо предисловия

Вечер. Небо усыпано звёздами. В маленькое оконце нашей сакли заглядывает луна.

Мой старый дед, высоко подняв свою седую голову с невидящими глазами, тихо покручивает гончарный круг.

Много интересного рассказывают о нём в нашем селе. То он один ночью в лесу сражается с исполинами, побеждает их и спасает похищенную ими самую красивую девушку нашего села; то он бросается в стремительный поток горного ручья за упавшим ребенком; то поднимается на горную кручу, спасая выпавшего из гнезда орлёнка.

А ещё говорят, что юношей он исходил весь мир, поднимался на Крышу Мира, переходил пустыню смерчей — Маркан-су, бывал и в Китае, и в Индии. Оттого и игрушки, которые он делает, дикие: то это снежный барс, подкрадывающийся к добыче, то слоны, поедающие молодые побеги деревьев, то возникающий из тумана оазис в пустыне.

Но более всего удивительны его сказки. В них переплетаются возможное и невозможное, правда и вымысел, а добро всегда побеждает зло. И становится от этих сказок светло и тепло, и очищается сердце от обид и оскорблений.

Много сказок рассказывал мне дед. Те, которые я запомнил, передаю вам.

СКАЗКА О ГОНЧАРЕ И ЕГО СЫНЕ

Совсем ещё юным, любил я слушать своего седого, как лунь деда. Рассказывал он, тихо покручивая гончарный круг и высоко подняв голову с постоянно закрытыми, ничего невидящими глазами. Руки его живые и сильные лепили в это время глиняные свистки и игрушки.

Рассказывал дед, что очень давно жил в нашем селе гончар. И славился этот гончар не только своими кувшинами и чашами, сосудами для воды и вина. Хотя не было в округе второго гончара, способного делать такую посуду — лёгкую и изящную, ласкающую взор своей простотой и красотой, но уважали люди гончара ещё и за добросердечие, справедливость, гостеприимство и милосердие.

И был бы счастлив гончар, но одна мысль не давала ему покоя: не было у него сына, которому он передал бы своё дело, не было наследника, которого он посвятил бы в тайны своего искусства.

Было это или не было, но рассказывал дед, что однажды поздним вечером, когда за окнами свистел ветер и лил дождь, постучался к гончару старый дервиш¹ с просьбой пустить его согреться и обсушиться.

Хозяин впустил странника, предложил ему сухую одежду и ужин. И когда отдохнувший дервиш спросил гончара о печали, тот рассказал ему о том, что не дал ему Б-г сына, который бы радовал сердце.

И сказал дервиш: «Будет у тебя сын. И превзойдёт он тебя в мастерстве гончарном. Но зависть людская горе принесёт в твой счастливый дом...» И ушёл дервиш в тёмную ночь, в ветер и дождь.

Не прошло и года, родился у гончара мальчик. И радовался счастливый отец, глядя на сына.

Очень подвижный и весёлый малыш проявлял завидные сметку и усердие, помогая отцу. Уже к шести годам мальчик сам изготавливал глиняные игрушки и незатейливую посуду. Но больше всего любил мальчик рисовать. Были его рисунки забавными и смешными: вот невиданные разноцветные птицы летят над полем, а вот медведь, разоривший муравейник, улепётывает от разозлённых насекомых.

¹ дервиш — странник; человек путешествующий пешком (вост.).

Шло время. Мальчик терпеливо учился, перенимая у отца всё, что тот знал и умел. Уже к 15-ти годам из-под его рук выходили не только искусно сделанная посуда; но и причудливые дворцы с башнями, мечети² и минареты³. Изменились и его рисунки — это были уже целые истории из жизни животных и людей.

Радовался гончар сыну, превзошедшему отца в мастерстве. И радовались вместе с ним сельчане, глядя на работу и рисунки юного мастера, что преумножилась слава их села с этим мальчиком.

Но всегда найдутся злобные люди, завидующие чужому счастью. Нашлись такие завистники и у гончара. И если раньше они только тайно завидовали его славе, то теперь...

Злоба и зависть людская ослепили юношу. Горе пришло в некогда счастливый дом гончара. Чёрной ночью стал светлый день, белыми стали чёрные волосы отца. Умолкла в их доме весёлая песня гончарного круга...

Осень сменила лето. И снова ветер свистел в печной трубе, дождь стучал по крыше. И снова, как некогда, постучался к гончару старый дервиш. Обогрел, накормил его хозяин и повёдал ему своё горе.

Выслушав, дервиш сказал: «Отпусти сына, пусть походит со мной по свету, узнает как и чем живут разные люди и целые народы. Пусть найдёт свой удел».

Не согласился гончар, не хотел лишаться на старости лет последней утехи. Но стал юноша просить отца отпустить его, разрешить ему пойти со старым дервишем. И так горячо просил он, что отпустил его старый гончар, благословив их дорогу.

Дед говорил, что больше никто никогда не видел сына гончара. Но проходившие через их село странники рассказывали, что где-то ходит по свету слепой юноша, и там, где он останавливается, появляются новые сказки о диковинных дворцах с башнями, мечетями и минаретами, о причудливых животных и птицах, о людях добрых и злых.

И расходятся эти сказки по всему свету. Многие из них рассказывал мне мой седоволосый слепой дед. Но более всего запомнилась мне сказка о гончаре и его сыне.

² мечеть — церковь; молельный дом (ислам.)

³ минарет — башня, с которой объявляют начало молитвы (ислам.)

ВОЛШЕБНАЯ НИТЬ

— Помнишь, ты рассказывал о том, что очень скучал по нашей сакле, по аулу, по своим друзьям, когда на несколько дней ездил с отцом в город. А знаешь ли ты, почему скучал, что тебя тянуло домой в горы? Слушай, — так начал свою новую сказку мой дед, усаживаясь за гончарный круг и разминая руками неподатливый ком глины.

— Очень давно высоко в горах в старой покосившейся от времени сакле жила вдова. Муж её погиб в горах во время обвала, оставив её с малолетним сыном. Женщина, бережно храня память о муже, одна воспитывала сына, работая для этого от зари до зари. Утром сельчане видели её копающейся на клочке земли рядом с саклей, днём она убирала дом местного богача, вечером собирала хворост и кизяк для растопки, ночью же, когда весь аул засыпал, она стирала бельё, зарабатывая этим гроши. Никто в ауле никогда не слышал от бедной вдовы жалоб на усталость и болезни. Напротив, старая сакля, казалось, освещалась не керосиновой лампой, а её улыбкой и приветливыми лучистыми глазами. Любой прохожий мог найти в её доме, земляной пол которого был застелен латанными, но чистыми циновками, радушный приём, кусок свежего лаваша и пиалу горячего кипятка, настоящего на травах.

Подстать матери был и её шестилетний сын. Трудолюбивый мальчуган, по мере сил помогавший матери, старался поддерживать их скудное хозяйство в надлежащем состоянии. Это его старанием был обновлён забор вокруг сакли.

Целыми днями слышались песни и смех малыша, выполнявшего всю работу по дому. И радовались сельчане, глядя на вдову и её сына. И удивлялись. Удивлялись терпению и трудолюбию женщины, которые она в полной мере передала сыну. Удивлялись радушию матери, готовой придти на помощь каждому, хотя сама едва сводила концы с концами. Удивлялись веселью и жизнерадостности мальчика, обращавшего в шутку всякие невзгоды и смеявшегося там, где его сверстники и даже ребята постарше хмурились и прятали слёзы.

Но более всего удивлялись соседи связи, существовавшей между матерью и сыном. Ибо удивительна и непонятна связь, благо-

даря которой, всегда, когда одному из них становилось не в состоянии, рядом сразу же появлялся другой, поддерживая оступившего и уставшего.

Именно так было, когда малыша, поправлявшего саманный курятник, завалило стеной. Мать появилась неожиданно, придя как по наитию, хотя никто из соседей не слышал ни шума завалившейся стены, ни криков мальчика. Именно так было, когда малыш появился неизвестно откуда и помог матери, набиравшей воду у реки и оступившейся на пологом склоне.

На вопросы любопытных женщина отвечала, что они связаны нитью, и улыбалась, глядя на малыша.

Было ли это правдой, существовала ли такая нить или нет, но связь между матерью и сыном была бесспорной и очевидной.

Шли годы. Мальчику исполнилось двенадцать лет — возраст, когда ребят определяют на учёбу. Не по годам сильный и рослый, сын вдовы хотел стать кузнецом. Но для этого нужно было пойти в соседний аул за перевалом, так как своей кузницы в селе не было.

Мать проводила сына до околицы, поцеловала его и, грустно улыбаясь, напомнила: «Не забывай, сынок, о нити. Правда сейчас она становится тоньше и длиннее, но ты всё же помни». «Не волнуйся, мама, никогда не забуду», — сын, улыбаясь, приветливо махнул матери рукой и широко зашагал по дороге.

Как горный поток несётся время. И для матери, ждущей возвращения сына, женщины трудолюбивой, оно мчится ещё быстрее. Но удивлялись соседи, замечая, что вдова, вдруг улыбнётся и тихим голосом молвит: «Не волнуйся, сынок, я здорова», — и озирались по сторонам: с кем это она?

Но однажды утром вдова не вышла покормить кур, и сельчане, обеспокоенные этим, застали её в постели. Женщина застудилась, полоща накануне бельё в реке.

Сердобольная соседка, вскипятив чайник и напоив больную чаем, спросила: «Может послать за сыном?» И услышав: «Нет, он сам придёт», — ушла к себе, зная об их удивительной связи. Когда к обеду она пришла навестить больную, то была сильно удивлена, застав в доме повзрослевшего и возмужавшего сына вдовы, хотя никто в селе не видел, когда он пришёл.

Через несколько дней женщина, окруженная заботой сына, поправилась. Но юноша уже никуда не уходил. Он остался в родном ауле работать кузнецом. И говорят, хорошим был мастером.

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Я с нетерпением ждал.

—Знаешь, говорят, что они подарили людям ту волшебную нить. Нить, которая связывает нас с близкими, с домом, с тем местом, где мы родились и где похоронены наши предки. Волшебную нить, которая никогда не рвётся, как бы тонка она не была.

В тот вечер, засыпая, я видел старую саклю, женщину у калитки, уходящую вдаль дорогу, на которой стоял приветливо поднявший руку юноша. Наверное, тогда я в первый раз понял, почему Родину называют матерью, и почему мы всегда возвращаемся, когда бы и куда не уходили.



СКАЗКА О ПРЕКРАСНОМ ЮНОШЕ И ПОЛЁТАХ ВО СНЕ И НАЯВУ

— Было это очень давно. Ещё дед моего прадеда рассказывал, что высоко в горах был аул. Сакли аула прижались к отвесной скале и, казалось, приросли к ней, а кривые узкие окна смотрели в воду быстрой горной реки, бегущей по дну глубокого ущелья... — так начал мой старый дед свой рассказ. Высоко подняв седую голову, устремив куда-то вдалёк взгляд ничего невидящих глаз и размякая сильными руками ком глины, сидит он за гончарным кругом и лепит свою новую сказку.

— Жил в этом ауле юноша. Высокий и сильный, он выглядел старше своих ровесников. Удивительно красив был этот юноша. Его умные глаза сверкали каким-то непонятным блеском. Его лицо, всегда спокойное и безмятежное, казалось, было высечено из благородного горного мрамора.

Но ещё удивительней были рассказы юноши. Его истории о диких дворцах с башнями, о чёрных людях, о жизни зверей и птиц, о разных неизвестных землях аульские мальчишки слушали, затаив дыхание. Воодушевлённый таким вниманием, он рассказывал ещё и ещё... А на вопрос, откуда он знает это, юноша почему-то отвечал, что видел всё сам и, обиженный недоверием, уходил в горы.

Однажды дети, сговорившись между собой, стали допытываться, как юноша мог всё это видеть, если он никогда не уходил из аула. И тогда юноша сказал, что умеет летать.

Услышав это, дети стали громко смеяться, а женщины перешёптываться — мол, у мальчика не всё в порядке с головой.

С той поры юноша редко выходил из дому, видимо, боясь насмешек сверстников и косых жалеющих взглядов взрослых. Лишь изредка по ночам кто-нибудь из аульчан видел юношу стоящим на краю пропасти с распростёртыми руками.

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Перед ним на доске расположился аул, прижавшийся к горам, глубокая пропасть и юноша, стоящий на краю пропасти с широко разведенными руками.

—... Пересуды в селе набирали всё большую силу. Кто-то говорил, что юноша вовсе потерял рассудок и готов броситься в пропасть; другие — что он своими фантазиями портит детей. Самые злые утверждали: «Он оборотень, надо изгнать его из аула». Так продолжалось долго, и однажды...

Юноша возвращался домой с речной водой, когда группа детей, издали увидев его, стала смеяться, называя его обманщиком и фантазёром. Неизвестно кем брошенный камень попал юноше в лицо и рассёк до крови бровь.

На шум детей собрались взрослые и с бранью накинлись на юношу. Никто не слышал, да и не хотел слышать слов юноши, что он ни в чём не виноват. Всем хотелось только одного — изгнать несчастного, изгнать оборотня.

И тогда юноша подошёл к краю пропасти, широко раскинул руки и... взлетел.

Толпа негодующих застыла в оцепенении, видя, как юноша парит в небе. А он летал над домом, в котором родился и жил, над аулом, из которого его изгнали глупые люди, над родными горами и пропастью. Потом поднялся высоко в небо, приветливо махнул рукой и исчез. Только алые цветы, появившиеся там, куда упали капли его крови, напоминали людям о нём. И ещё...

С той поры каждый мальчишка, хотя бы однажды, летает во сне, летает как птица, широко раскинув руки—крылья, летает над горами и равнинами, над морями и реками, над городами и сёлами.

Помню, что долго я сидел, прижавшись к деду. Помню также, что и я летал по ночам, летал над горами и лесами, над старой крепостью, стоящей одиноко на скале где-то посреди моря. И ещё помню, что на мои рассказы об этом, дед загадочно улыбался и говорил: «Это ты растёшь, сынок».



СВЕЧА И МОТЫЛЁК

— Ты знаешь, почему мотылёк летит на огонь? А почему со свечи, когда она горит, воск стекает каплями? — спросил меня дед, раскручивая старый гончарный крут. Я поспешил поудобнее устроиться возле своего деда и приготовился слушать новую сказку.

— Давным-давно жила свеча. Стояла она на узорном, ручной работы, столике в красивом серебряном подсвечнике.

Спокойным ровным светом она освещала небольшое пространство вокруг себя. По вечерам собиралась возле неё вся семья; дети затевали нешумные игры, отец читал газету, а мать садилась со штопкой или рукоделием. Так было и, казалось, так будет. Но однажды залетел в открытое окно мотылёк. Летал вокруг свечи и смеялся.

«Чего ты смеёшься?» — спросила свеча.

«Потому и смеюсь, что ты слепа и не видишь ничего».

«Да, но я даю свет».

«Свет? Да разве это свет? Ты сама ничего не видишь в этом свете. Ты даже не знаешь, что в комнате есть ещё большой деревянный стол со стульями, стеклянный шкаф с красивой посудой и массивный резной комод для белья. А ты говоришь — свет», — и мотылёк снова засмеялся.

«А что, бывает свет, который может осветить всё сразу? — удивлённо спросила свеча. И добавила, как будто ты сам можешь дать такой свет».

Мотылёк застыл в воздухе. И вдруг...

Яркая вспышка света, осветившая и стол, и шкаф, и комод в дальнем углу комнаты, ослепила всех. Неожиданно наступила темнота.

После небольшой заминки удалось зажечь светильник. И все увидели, что мотылька нигде не было, свеча погасла, и только на самом краю подсвечника застыла капелька воска.

Дед замолчал, вытирая руки о фартук. Перед ним на доске застыли стол, шкаф, комод, расположенные в большой комнате, небольшой узорный столик с подсвечником, на котором застыла слезинка воска.

Много лет прошло с тех пор. Никто не знает что лучше — короткая яркая вспышка или, пусть тусклый, но ровный свет. Или может...

Но до сих пор свеча плачет, и свет её дрожит от слёз, а мотылёк летит на огонь и сгорает в нём, вспыхивая ярким светом.

ВОЛШЕБНОЕ ОЗЕРО ИЛИ ЕЩЁ ОДНА СКАЗКА О ЛЮБВИ

Тихо поскрипывает гончарный круг. Снова сижу возле своего деда, затаив дыхание.

«Ты, наверное, знаешь речку за околицей села, — так начал дед свою новую сказку. — А знаешь ли ты, что начало своё эта речка берет из небольшого озера, которое питает родник? А слышал ли ты, что рассказывают об этом озере? Так слушай.

В старые, стародавние времена высоко в горах в небольшом селе жили люди. Жили, как везде живут: мужчины охотились, а женщины растили детей и занимались домашним хозяйством. Казалось бы, ничего особенного, но говорят...

На краю села было небольшое озеро. Вода в нём — всегда такая прозрачная, что было видно, как на дне озера бьёт родник. Обыкновенное озеро, каких много в горах. Но старики говорили, что если искупаться в нём в самую короткую ночь в году, то к человеку возвращаются молодость и красота.

Шли годы и как утренняя звезда засияла своей красотой юная Рахель. Весёлая хохотунья любила музыку и танцы, шутки и веселье. На всё село был слышен её смех, подобный говору сбегающей с гор реки. Целыми днями она танцевала с подругами на лугу за селом.

И стали заглядываться на девушку молодые охотники. Но только отважному Шуму, одному из лучших охотников, отдала своё предпочтение прекрасная Рахель. Часто их видели вдвоём на берегу озера. И... весёлая была свадьба. Всё село танцевало на этой свадьбе. Но больше всех радовалась и веселилась невеста.

Неумолимо движется время. Нет такой силы, которая могла бы остановить его. Родился у Шума и Рахель сын. И всё реже стала появляться на лугу Рахель, и всё чаще на призывные крики подруг отвечала отказом.

И скучала она без песен и танцев. Но сын был её отрадой. И глядя на подрастающего малыша, радовалась она своему счастью. Но не напрасно говорят в народе, что счастье с несчастьем рядом идут. И в доселе счастливый дом красавицы Рахель пришла беда.

В тот день, когда свои первые шаги сделал ее сын, в тот самый день не вернулся с охоты Шум. Только через три дня нашли его сельчане высоко в горах рядом с убитым барсом.

Много слёз пролила по мужу Рахель, и в слезах ушла её красота. Поседели от горя волосы. Ничто уже не радовало её сердца. И даже сын не приносил утешения.

Только песни и танцы по-прежнему тянули её к себе. Но стеснялась она седых волос и морщин, которые почему-то доставляли радость её сыну, любившему мать.

Всё чаще и чаще вспоминала Рахель предание об озере за селом. Всё чаще и чаще спрашивала у сына — хотел бы он, чтобы мама снова стала красивой. А мальчик, не понимая, с радостью отвечал, что его мама самая лучшая на свете...

И пришла ночь, самая короткая ночь в году. Осторожно, стараясь не разбудить сына, вышла Рахель из сакли и побежала к озеру. На берегу она остановилась, подумав со страхом, что совершает, наверное, непоправимое. Но голоса подруг, кружащихся в танце на лугу, прогнали её страх. И...

Снова радовалась и веселилась Рахель, ставшая такой же прекрасной, как прежде. Радовались и танцевали вместе с ней подруги.

Утром счастливая Рахель вернулась к сыну. Но тот не узнал матери. «Это же я — твоя мама. Ты видишь, я снова стала красивой, как ты хотел», — убеждала она сына. Но тот не понимал, всё время повторяя, что его мама и так была самая лучшая, что у неё были красивые белые волосы, и что ему всегда нравились мамины морщинки у глаз.

«Ты не моя мама, моя мама самая красивая», — проливая слёзы, повторял мальчик.

И оставила его Рахель, видя тщетность своих слов. Ушла к подругам на луг. Она повязалась косынкой и, позабыв о сыне, целый день танцевала на лугу. А сын ходил заплаканный по селу в поисках своей самой лучшей и самой красивой мамы. Молчала сельчане, не отвечая мальчику, пряча глаза и покачивая головой.

И пришёл он на луг. Но нигде не было его мамы.

Голодный и уставший опустил на землю и уснул, положив голову на камень. Увидела Рахель сына заплаканного

и грязного. И дрогнуло её сердце... Бросилась она к озеру, умо-
ляя: «Зачем мне молодость и красота, если ты отняло у меня сына.
Верни мне моего сына»...

Унесла вода девичью косынку некогда прекрасной Рахель.
И радовался сын, целуя мать и играя её белыми волосами. И ра-
довались сельчане.

Но говорят старики, что озеро потеряло свою волшебную силу,
хотя и теперь всякий искупавшийся в нём навсегда забывает о сво-
их болезнях и чувствует себя сильнее и моложе.



ДОРОГИ СУДЬБЫ ИЛИ СТАРАЯ СКАЗКА

Слушая поскрипывание гончарного круга, сижу я возле своего старого деда. Рассказывая, он тихо покручивает круг, на котором из-под его сильных рук появляются то великолепные дворцы, то убогие сакли; невиданные звери и птицы, цветы и деревья. Вслушиваясь в негромкий голос деда, в который вплетается поскрипывание гончарного круга и, вглядываясь в возникающие на доске знакомые, а чаще незнакомые картины, переносишься в другой мир, в мир сказок седоволосого старца с устремлённым вдаль ничего невидящим взглядом.

— Говорят, что очень давно жил в нашем селе человек. Был он честным и добрым, справедливым и милосердным. И в награду за это, дал ему Б-г прекрасного сына. Этого юношу с чистыми и умными глазами, почитавшего старших и помогавшего младшим, любили в селе. Никто никогда не слышал от него ни бранного слова, ни крика, ни ругани. Только улыбка освещала лицо юноши.

Шли годы. Человек умер, оставив сыну старый, но крепкий дом и пожелание быть всегда добрым и снисходительным к людям и строгим к самому себе, приходить на помощь каждому просящему и нуждающемуся.

Похоронив отца, юноша остался в селе, выполняя отцовский завет. Но сомнения одолевали его: правильно ли он поступил, оставшись в селе, может быть, ему стоило уйти и найти свою дорогу в жизни? Всё чаще думал он об этом, и однажды...

Приведя в порядок дом, оставив не запертой дверь (вдруг пригодится какому путнику, оставшемуся без ночлега), юноша ранним утром покинул село.

Много дней шёл юноша, останавливаясь только на короткий отдых и ночлег, и пришёл однажды на распутье. Четыре дороги расходились в разные стороны. И ничего удивительного не было бы в этом, если бы...

Странные указатели были у дорог. У одной дороги было — Богатство, у другой — Слава, у третьей — Счастье. У четвёртой дороги не было никакого указателя. Сел юноша на камень у распутья и задумался».

Дед замолчал. Перед ним на гончарной доске появились четыре дороги со странными указателями и юноша, который, задумавшись, сидел на камне у этих дорог.

«О чём думаешь, сынок?», — старый дервиш стоял возле юноши. Усадив странника, поделившись с ним куском высохшего чурека и ключевой водой, юноша спросил, что означают эти странные указатели, и почему нет указателя у четвёртой дороги.

«Ничего странного, сынок. Люди называют эти дороги дорогами судьбы. Тот, кто пойдет по первой дороге, будет одним из богатейших людей; тот, кто пойдет по второй — прославится на многие годы; кто пойдет по третьей — найдёт своё счастье.

«А четвёртая?» — нетерпеливо спросил юноша.

«Четвёртая?»... — дервиш задумался. «Четвёртая дорога — это дорога в неизведанное, дорога в никуда. По этой, самой трудной из дорог, идут очень немногие. Только тот, кто хочет найти самого себя, кто хочет понять смысл жизни — тот идёт по этой дороге».

Попрощавшись, дервиш ушёл. Недолго оставался юноша на распутье. Подумав, он решительно зашагал по дороге, у которой не было указателя.

Говорят, что в селе юноша больше не появлялся. Но прохожие люди рассказывают, что ходит где-то по дорогам старый дервиш с чистыми и умными глазами. И рассказывает дервиш людям о том, что все мы ходим по дорогам жизни, и что каждый когда-нибудь приходит на перекрёсток четырёх дорог, на перекрёсток судеб. И каждый, хотя бы однажды, делает свой выбор.

Прошло много лет. Давно уже нет моего деда. Но в дни трудных и важных решений я вспоминаю старую сказку и ясно вижу перед собой юношу, который, задумавшись, сидит на распутье у четырех дорог.



СКАЗКА О ПРОСТОМ И ВЕЧНОМ

Усаживаясь рядом с дедом, я слушаю, как поскрипывает старый гончарный круг, и смотрю, как его живые и сильные руки разминают неподатливый кусок глины.

Затаив дыхание, я вижу как на доске появляется редкой красоты замок с высокими, узорными окнами и воротами. Рядом с замком вырастает большой парк с невиданными зверями и птицами.

Высоко подняв седую голову и глядя куда-то вдаль своими невидящими глазами, начал дед новую сказку:

— Слышал я, что жил когда-то человек и было у него три сына. Трудолюбию и доброте, милосердию и уважению к людям учил человек своих сыновей. И внимали отцу дети, и росли, помогая ему во всём.

Но короток человеческий век... Отдав отцу последний сыновний долг, задумались братья, как жить дальше, чем заняться.

Однажды услышали они от идущего через их село дервиша, что каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. «Только тогда, — добавлял дервиш, — он может считать свою жизнь ненапрасной». И решил тогда старший брат: «Построю дом, какого ещё не было на свете. Пусть будет он такой красоты, чтобы любовались им люди сотни лет».

Средний брат сказал: «А я посажу парк, и пусть будут в нём птицы и звери, и пусть люди приходят отдыхать в этот парк многие годы».

А младший брат решил: «Воспитаю сына, чтобы было мне кем гордиться в зрелые годы и на кого опереться в старости».

Стремительно несёт свои воды река по имени Жизнь. И вырос в селе удивительный дом. Комнаты дома были просторными и светлыми, потолки украшала узорная лепка, картинами из жизни людей были расписаны стены. Сельчане любовались красотой дома и удивлялись таланту мастера.

Рядом с домом раскинулся такой же удивительный парк. Невиданные доселе деревья, на ветвях которых распевали свои песни птицы, украшали парк. Белки свободно перепрыгивали с ветки на ветку, а пугливые зайцы перебежали тропинки, по которым гуляли люди. Часто приходили сельчане отдохнуть

в тени парка и полюбоваться красотой дома. Но чаще других приходил сюда юноша, с такими же живыми и смысленными глазами, как у младшего из братьев. Именно ему передавал отец то, чему когда-то научился у своего отца; именно его учил младший из братьев любви к людям, готовности при первой же просьбе, а чаще и без просьбы, помочь страждущему и нуждающемуся.

Дед надолго замолчал. Я, прижавшись к нему, ждал. Дед вздохнул:

— Шли годы. Люди, обременённые заботами, всё реже приходили в парк, и только шум и возгласы играющих детей были изредка слышны возле дома. Со временем дом перестал казаться таким красивым, как прежде: картины на стенах поблекли, с потолков свисала паутина, узорная лепка потрескалась и осыпалась.

Да и парк казался опустевшим и запущенным. Дорожки, некогда посыпанные песком, заросли, не было слышно птиц и зверей. Неумолимо движется время.

И вот уже непроходимый лес полностью скрыл от людских глаз полуразвалившийся, некогда прекрасный, дом. И новые поколения забыли имена двух старших братьев. И давно уже умер младший брат.

Но, говорят, живет в селе старик с живыми и умными глазами, который рассказывает внукам о братьях, когда-то живших в селе и о людях простых и хороших.

И ещё, каждую весну у надгробного камня, на котором высечены три имени, расцветают алые маки, напоминая людям о смысле жизни, о простом и вечном.



ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

(Размышления на тему...)

Снова крутится старый гончарный круг. Мой седоволосый дед, устремив вдаль взгляд своих невидящих глаз, разминает сильными руками ком неподатливой глины.

Я усаживаюсь рядом и терпеливо жду. И вот на гончарной доске начинается новая сказка.

Давным — давно высоко в горах жил юноша. Целыми днями работал он на скудном клочке земли, доставшимся ему от отца, а по вечерам, по мере сил, старался сохранить в старой сакле тепло и уют, оставленные ему матерью.

Однажды поздно вечером заглянул в саклю дервиш и попросил приюта. Юноша с радостью разделил ужин с гостем. Предложив ему после еды крепкого чаю, он внимательно слушал рассказы странника о других людях, их жизни и обычаях, об удивительных событиях, очевидцем которых был старый дервиш.

Всю ночь проговорили они, а под утро юноша спросил странника, почему он покинул свой дом и чего ищет.

Помедлив, дервиш сказал, что ещё совсем юным стал задумываться для чего мы приходим в этот мир, и что должны оставить в нём после себя. Именно поэтому он покинул свой дом и странствует по свету, встречается с людьми молодыми и старыми и ищет многие годы, ищет в жизни свою дорогу.

Дед замолчал. На гончарной доске вырос лес, и потекла река. Между ними змеилась дорога, по которой шагал человек.

— Знаешь, через много лет я понял: все дороги начинаются у отчего порога. И ещё... Напрасно говорят, что у каждого своя дорога. Нет. Все мы ходим по одной дороге, по дороге с названием Жизнь. Но каждый из нас оставляет на этой дороге свои следы. И следы эти зависят от того, как мы относимся к людям, с которыми встречаемся. Делимся ли с ними теплом души или проходим мимо, спрятав взгляд; протягиваем ли руку помощи тем, кто устал и ослаб, или сталкиваем их со своего пути...

Давно заросла тропа, по которой ушёл старый дервиш. И много лет нет моего деда. Но часто я вспоминаю широкую улицу, сильные руки отца, который идёт рядом и что-то рассказывает о людях плохих и хороших.

Потом настал день, и я шёл рядом с сыном и говорил ему о смысле жизни, о добре и зле. Знаю, придёт день, и мой внук будет идти рядом со своим отцом и слушать его рассказы о любви, и дружбе и о дорогах, которые мы выбираем.



СОДЕРЖАНИЕ

Приди слово и ... Б. Ханукаев	3
Поэт из династии поэтов. М. Козакова	4
Мини-новеллы Семёна Гаврилова. Г. Агарунова	6

РАССКАЗЫ, РАЗДУМЬЯ, ЗАРИСОВКИ

Огонь свечи	8
Любовь женщины	9
Свидание (невымысел)	10
Прыжок	11
Первый шаг	13
Мальчик с большим сердцем	17
Ссора	19
Серебряная табакерка (быль)	21
Утро в деревне	23
Спутник	24
Люди — птицы (цыганская легенда)	25
Три дороги (сказка)	27
Сосна и дуб (сказка)	28

СКАЗКИ ГОНЧАРНОГО КРУГА

Вместо предисловия	31
Сказка о гончаре и его сыне	32
Волшебная нить	34
Сказка о прекрасном юноше и полётах во сне и наяву	37
Свеча и Мотылёк	39
Волшебное озеро или ещё одна сказка о любви	40
Дороги судьбы или старая сказка	43
Сказка о простом и вечном	45
Дороги, которые мы выбираем (размышления на тему...)	47

Литературно-художественное издание

Гаврилов Семен Михайлович

Огонь свечи

Сборник рассказов, раздумий, зарисовок и сказок

Редактор — М. Козакова

Дизайн обложки и компьютерная вёрстка — Э. Алиев

Общая редакция издания — издательский дом «Мирвори»

Руководитель проекта - Й. Мишиев

Подписано к печати 21.05.2008

Формат: 60 x 90 1/16

Гарнитура Times

Усл. печ. листов 3,5

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:

в Израиле — 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822,

международные — 972-9-8840855, 972-54-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

**В издательском доме «Мирвори» в 2007-2008 году
вышли в свет следующие книги:**

**Литературно-публицистический
альманах «МИРВОРИ» №1-2-3**

Ю.Ягдамов.

ЛЮБОВЬ И СПУТНИКИ.

Сборник стихов.

З.Семендуева. ДУХДЕР ДУЪ БЕБЕ.

*Сборник произведений
на горско-еврейском языке.*

Д.Раханаев.

НЕДОПЕТЫЕ ПЕСНИ МОИ...

Сборник стихов.

Овгояль духдер Пилил.

ХУДО НУВУСДЕО.

*Сборник стихов
на горско-еврейском языке.*

Е.Навахов. ТЕМ, КОГО ЛЮБЛЮ.

Сборник стихов.

Их подвиг не забудется.

*Книга воспоминаний ветеранов ВОВ,
жителей г.Сдерот. (иврит).*

С.Ягудаев. КАРАКУЛЕВЕДЕНИЕ.

Учебное пособие.

Разукрась картинку выучи стишок.

Книжка-раскраска для детей.

В.Давыдов.

**ОЧЕРКИ О КУЛЬТУРЕ ГОРСКИХ
ЕВРЕЕВ В ИЗРАИЛЕ.**

Сборник статей.

М.Якубов. ПУТЬ САНЬКИ. Повесть.

М.Елизаров.

ИСПОВЕДЬ БЕЖЕНЦА.

Сборник рассказов.

М.Козакова. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ.

*Сторонний взгляд
непостороннего человека.
Сборник очерков и статей.*

Б.Ханукаев.

**И МОРЕ, И ЗЕМЛЯ, И НЕБО.
69 белых пятистиший.**

Й. Розенталь.

ПОПЫТКА ВОПЛОТИТЬ МЕЧТУ.

*Стихи и тексты песен
с приложением нотных записей.*

И.Йегудя.

**ЗАМЕТКИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ
ЕВРЕЙСТВА**

С.Гаврилов. ОГОНЬ СВЕЧИ.

*Сборник рассказов, раздумий,
зарисовок и сказок.*

КНИГИ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ВЫПУСКУ:

**Литературно-публицистический альманах «МИРВОРИ» №4
Детский словарь горско-еврейского языка в картинках.**

М.Шамаева. ВОЛЯ К ЖИЗНИ. Мемуары.

Альбом-каталог горско-еврейских художников.

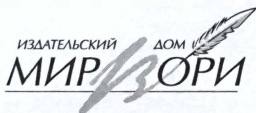
Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей.
Компьютерный набор,
корректурa, редактирование,
Художественный дизайн и графика.
Консультации по всем вопросам
книгоиздания**



Мы пройдем с вами весь путь
от рукописи до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!



Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru



ГАВРИЛОВ Семён Михайлович

Родился в 1952 году в г. Дербент
Дагестанской АССР.

Получил высшее образование.
Женат, имеет троих детей.

Литературным творчеством занимается со школьной скамьи.
Пишет стихи, прозу, публицистику.

Публиковался в республиканской периодической печати,
в журнале «Юность».

В 1992 году репатриировался в Израиль,
живёт в г. Хадера. В Израиле публиковался в журнале
«Русское эхо», литературно-публицистическом альманахе
«Мирвори», «Кавказской газете». В 2006 году выпустил
в свет книгу «Сказки гончарного круга».

Имеет постоянно действующие Интернет-страницы
на литературных сайтах «Стихи.ру» и «Точка зрения».
Член Союза писателей, выходцев с Кавказа.

В новую книгу «Огонь свечи» он включил исключительно
прозаические произведения – рассказы, раздумья,
зарисовки, сказки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

ИЗРАИЛЬ • 2008